

КРОВЬ И МОЛОКО

проза ариадны борисовой

АРИАДНА БОРИСОВА

ЗМЕЕВ
СТОЛБ

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 82

Оформление серии *П. Петрова*

Борисова А.

Б 82 Змеев столб : роман / Ариадна Борисова. — М. : Эксмо, 2013. — 384 с. — (Кровь и молоко. Проза Ариадны Борисовой).

ISBN 978-5-699-66325-5

К позорному столбу приковывали осужденных. Герои романа — еврейский парень Хаим и русская девушка Мария — виноваты без вины. Только из-за происхождения их репрессируют и ссылают из Литвы на острова смерти. Сохранить любовь и человечность там практически невозможно. Но именно эти качества и придают молодым людям силы, именно они помогают выжить.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Борисова А., текст, 2013
© Улицкая Л., вступительная статья, 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-66325-5

Предисловие к роману

Роман — история любви. Любви сильной, редкостной, героической и жертвенной. Но уникальность этой любовной истории заключается не в ней самой. Мало ли написано в мире книг о великой и жертвенной любви? И о разрушительном, уничтожающем мир любовном пламени, и о мстительной, сжигающей страсти, и о самоубийстве на почве любви, и об убийстве изменника... Словом, добавить что-то новое очень трудно. Ариадне Борисовой это удалось — нашла она особые краски, и особые характеры, и особые обстоятельства. Мир довоенной Литвы, в котором разворачивается любовная история Хаима Готлиба, выходца из богатого торгово-ремесленного еврейства, первого в семье, получившего хорошее образование в Германии, и русской дворянки-сироты, воспитанной в детском приюте при православной церкви, мало знаком российскому читателю. Канун Второй мировой войны — не лучшее время для мирной и счастливой семейной жизни. Молодая пара выдерживает жестокие испытания времени — конфликт с близкими, оккупация Литвы сначала советскими войсками, потом фашистскими, потеря ребенка, арест и высылка, гибель семьи, адские годы в якутских лагерях, — и они выживают. Можно было бы сказать — благодаря любви. Но это будет ложью. Скорее это не милость судьбы, а теория больших чисел: миллионы погибли, таких же любящих, таких же преданных друг другу, а этим повезло.

Новизна этого произведения, существующего, по всей видимости, на грани подлинных семейных воспоминаний и писательской достаточно простой конструкторской работы, именно в раскопке глубоких слоев памяти, восстановления жестокой картины жизни людей в сталинских лагерях. Фон происходящего делает чрезвычайно значительными отношения любящей пары. За несколько таблеток красного стрептоцида, необходимых для больной жены, Хаим Готлиб готов заплатить жизнью, и только чудом ему удастся избежать смертельного наказания за вынужденную кражу. У жизни нет такого закона, по которому хорошие и добрые вознаграждаются, а злым и жадным выдается наказание, соразмерное преступлению. Но любой читатель в глубине души жаждет этой сказки: пусть добро восторжествует, пусть беззаветная любовь сияет, а зло развеется...

Именно так и заканчивается роман. Но главная его ценность — не в этом! Как известно, историю Отечественной войны 1812 года мы узнаем из романа «Война и мир» Толстого, а не из работ военных историков, которые, к слову сказать, сильно критиковали Льва Николаевича за неточности в описании военных действий. Точно таким же образом недавняя история нашего народа отражена гораздо лучше не в исторических исследованиях, а в произведениях писателей-современников — Василия Гроссмана, Александра Солженицына, Варлама Шаламова. Восстановление памяти поколения — одна из высших задач писателя. И роман Ариадны Борисовой — бесхитростный, трогательный, убедительный — продолжает эту великую традицию.

Людмила Улицкая

*Посвящается семи народам,
кровь которых течет во мне*

Часть первая

Адамово яблоко

~ 1 ~

Семейную торгово-промышленную компанию возглавлял старый Ицхак Готлиб, чья фамилия стояла в списке попечительского комитета клайпедской общины немецких евреев. Из скромного лавочника он незаметно превратился в солидного дельца и никогда не выставлял напоказ своего богатства, зная, как трудно сберечь имущество, нажитое трудом — честным трудом, хотя и не без некоторого авантюризма. Впрочем, казалось, деньги сами стаями слетаются к нему, словно птицы на жердочку дрессировщика, такой естественной способностью приручать их он обладал. Деревообрабатывающая фирма процветала. Коммерческий нюх старого Ицхака с невероятной точностью подсказывал ему лучшее время сбыта продукции и пределы покупательских возможностей. В отличие от многих, хозяйство не претерпело больших убытков даже тогда, когда Неман из-за польской экспансии закрывался для поставок леса из России. В середине 30-х внешние партнеры прервали связи со многими литовскими торговыми обществами, но компания Готлибов удержалась на плаву. Сметоновское¹ правительство увеличило квоты на сбыт казенного дерева, подписало прерванное соглашение о ввозе сырья с советской стороны, и старому Ицхаку удалось заключить в Европе выгодные

¹ Сметона Антанас (1874–1944) — государственный деятель, один из идеологов литовского нацизма, президент Литовской Республики (1926–1940).

сделки по строевому фабрикату, принесшие семейству недурственный доход.

К городу-порту давно вернулось древнее куршское¹ название — Клайпеда. Между тем, на картах экс-хозяйки Германии он по-прежнему значился как Memelland² и остался типично прусским. Снисходительно мирясь с властью Каунаса³, мемельцы по-прежнему считали свою родину предместьем фатерлянда.

На морском перекрестке военно-торговых путей всегда было тревожно, но банкротство, ущерб и пожары обходили дом старого Ицхака, точно он был заговоренным. Прадед выстроил это трехэтажное здание в обычном для здешних мест стиле фахверк близ устья Дане еще в начале девятнадцатого века после эдикта, снявшего запрет на еврейское гражданство в Мемельском крае.

Особняк стоял в начале двора, выложенного стертым до гладкости булыжником. Летом с нового мезонина ниспадали, мягко колышась на ветру, юбки дикого винограда. Пышный зеленый подол украшала пестрая кайма из многолетних цветов. На просторных задворках, как смежное государство с отдельными воротами, выходящими на другую улицу, жили вечно хлопотливой жизнью кухня с подсобкой, флигель для прислуги, кладовые, мастерская и гараж. Службы отгораживал от дома вытянутый в ширину яблоневоый сад с нарядной беседкой, где любили играть сначала дети, а теперь — внуки.

¹ Курши — древнее племя, населявшее побережье Балтийского моря. Как отдельная этническая группа упоминается до конца XVI века.

² До того, как снова стать Клайпедой, город семь веков носил название Мемель (по немецкому названию реки Неман).

³ В 1919 году по Версальскому договору Мемельский край был отторгнут от Германии. В 1923-м, после захвата края Литвой, Лига Наций согласилась передать его Литовской Республике, оговорив предоставление автономии. Каунас в то время был столицей Литвы.

Старый Ицхак был счастлив детьми. Трое старших сыновей, получив приличное образование, обзавелись семьями и трудились на благо фамильного дела. Из Лейпцига только что вернулся с университетским дипломом младший, любимец отца Хаим. Единственная дочь Сара, последыш почтенных родителей, посещала прогрессивную светскую школу.

Хозяин, будучи человеком набожным, все же не вступал в противоречия с передовыми велениями времени, но его жена придерживалась более суровых взглядов. Родом из ортодоксальной семьи, Генедел Рахиль Готлиб, или матушка Гене, как звали ее домочадцы, строго следила за порядком и соблюдением основных обрядов и заповедей Торы. Прислуга после трудов с трепетом ожидала оценки госпожи, а невестки были обязаны еженедельно отчитываться перед свекровью во внутриклановых радостях и проступках. Под ее прицельным взглядом чувствовали себя виноватыми и те, кто не заметил огрехов. В этом обособленном мирке, где хозяйка была одновременно светочем и тираном, царили безукоризненная чистота, открытость и щепетильность во всем.

Матушка Гене с полным правом гордилась послушанием и способностями сыновей. Но получилось так, что младший нарушил патриархальные обычаи дома. Переломным событием к неожиданному заявлению Хаима стало исполнение сольной партии в студенческом хоре на краевом клайпедском празднике. Жюри конкурса провозгласило коллектив лучшим, и в тот же вечер молодой человек высказал на семейном ужине желание соединить свое будущее с артистической карьерой.

Матушка была вынуждена признаться себе, что младший сын всегда отличался от братьев ветреным нравом. К его рождению старый Ицхак накопил основную часть капитала и стал больше времени уделять семье, но старшие мальчики успели вырасти, и вся его нерастраченная родительская энергия обрушилась на Хаима. Благодаря эстетическим пристрастиям отца, страстного меломана в молодости, сын был возвращен на

немецкой исполнительской культуре и окончил музыкальную школу. Из всех детей именно он унаследовал приятный отцовский голос, лирический баритон с шелковистой теноровой ноткой, приводивший в восхищение многих. Матушка Гене тайне удивлялась: по ее убеждению, такой голос хорош был для кабака, где людям все равно, баритон, тенор или серединка на половинку, а никак не для театральной сцены.

Горестные размышления уверили женщину, что в легкомыслии сына виновато, кроме попустительства мужа, неофициальное «просвещение», полученное Хаимом в Лейпциге на вредных студенческих собраниях, где хитроумные ораторы, нанятые реакционными партиями, забивали головы молодым искаженными понятиями о жизни и устройстве мира. Матушка Гене прекрасно знала, кто виновен в международном политическом разброде и спаде экономики. Это социалисты всех мастей руководили забастовками рабочих и разоряли хуторян. А потом, распродав земли и скот, крестьяне сидели на баулах по всей Литве, ждали на вокзалах вербовщиков на плантации Южной Америки, — потому и стали случаться перебои с мясом и молочными продуктами в кошерных магазинах... Но хуже всего, что повсюду в моду вошел культ порочной богемы, и, как следствие, падение устоев семьи и безбожие.

Геневдел Рахиль старалась не показывать тревоги на людях, но наедине с собой, чувствуя себя парализованной угрозой хаоса, внесенного сыном в трудно созданное ею домашнее равновесие, билась и плакала. Хаим! Хаим совсем отбился от рук! Того и гляди перестанет молиться, начнет брить виски и поедать трейфу!¹

— Ах, Ицек, неужели мы столько лет учили сына для того, чтобы он пел оперетки? — кинулась женщина к мужу за сочувствием и утешением.

— У Хаима красивый голос, — не очень твердо возразил супруг.

¹ Трейфа — запрещенная Торой некошерная пища.

— О да, как не поверить восторгам толпы! — съязвила матушка, мгновенно переходя от отчаяния к гневу.

— Жюри конкурса было профессиональным.

— За свои деньги ты мог бы солировать с тем же успехом!

В организацию праздника была вложена некоторая толика пожертвований от компании Готлибов.

— Мы поддержали устроителей и в прошлый раз. Не мог же я отказать просьбам только потому, что в нынешнем конкурсе участвовал мой сын, — рассердился старый Ицхак. — И вспомни, что не Хаим, а хор заслужил признание.

— А ты вспомни себя, Ицек, вспомни себя! Ты ведь почему-то послушал родителей, не пошел в вокалисты! И разве не преуспел? Или мало работаешь вместе с мальчиками, мало всем помогаешь и не пользуешься уважением? Что по сравнению с этим так называемое «призвание» Хаима? Может, он не сумеет заработать себе и на кусок хлеба! А сплетни, Ицек? Сплетни тебя не волнуют? Знакомые непременно осудят нашего сына, а заодно и нас за то, что мы потакаем его капризам! Люди просто будут смеяться над нами! Ох, и распрекрасное же, скажут, занятие для мальчика из приличного дома! Окончил экономический факультет, чтобы распевать песенки в концертах!

— Ну что ты заладила — «песенки», «оперетки», — урезонивал старый Ицхак, пытаясь привести какие-то доводы в защиту выбора сына, но уговоры только распалили матушку Гене. Она бегала по комнате, заламывая руки, и свистящим от ярости шепотом призывала мужа образумить «глупого мальчишку».

— Искусство только называется изящным, а на самом деле коварно, богомерзко, безнравственно! Лицедейство ведет к пороку и пьянству! Я не удивлюсь, если из-за твоего потворства Хаим станет социалистом и отречется от нас!

Матушка роняла горькие слова, подсказанные страхом сердца, которые обычно придерживала в себе. Ей уже начало казаться, что сын пал на дно жизни, где нет места порядочным людям.

— Гене, ты преувеличиваешь, — с раздражением прервал старый Ицхак. — В консерватории его научат петь для избранной публики.

— Где-е?!

— Да, прости, я забыл сказать: он мечтает поступить в Кунасскую консерваторию...

— Таланту нигде не учат, — отрезала взбешенная матушка, не заметив в запале, что дверь приоткрыта, и в щели поблескивают блестящие от любопытства глаза дочери.

~ 2 ~

Избалованная общим вниманием и любовью, двенадцатилетняя Сара благочестием не отличалась. Без всяких укоров совести подслушав ссору, девочка тотчас побежала искать Хаима. Она любила его больше, чем старших братьев, за веселый нрав и готовность к проказам. В юном своем эгоизме Сара старалась припомнить родительский разговор слово за словом, не замечая в них опасности. Ее больше занимало, как смешно матушка Гене тарачила глаза и вертела руками.

Брат лежал в беседке на скамейке с томом Келлермана¹ в правой руке и бутербродом в левой. Незаметно подкравшись, Сара просунула ладонь в решетку беседки и собралась было выдернуть бутерброд, но Хаим оказался проворнее и ухватил шалунью за высунувшийся кончик косы:

— Караул! Держи вора!

— Смотри, книгу маслом измажешь, — засмеялась Сара и заговорщицки прищурилась, входя в беседку. — Ни за что не угадаешь, что я сейчас слышала!

¹ Бернгард Келлерман — немецкий писатель (1879–1951), автор романов, призывающих к демократическому преобразованию.

Хаим сел, сложив по-турецки ноги, и грозно уставился на сестрицу:

— Рассказывай, о лунолика, иначе верные мои визири отрубят твой любопытный нос и твои длинные уши!

Актерский этюд Сары был не лишен забавного сходства с характерными манерами родителей, но ожидания девочки не оправдались. Зритель не восхитился по обыкновению, и благодарных аплодисментов она не дождалась. Сконфуженная, она вдруг поняла, что слова матери, а особенно вынесенный ею вердикт тяжело задела брата.

Сара попробовала исправить свое неделикатное вторжение в ту область, к которой он, оказываясь, относился слишком серьезно.

— Хаим, ну, Хаим, — потянула она его за рукав и капризно надула губы. — Не обижайся! Матушка Гене просто не хочет, чтобы ты поступил в консерваторию, поэтому так злится. Никто же не сомневается в твоём таланте! На празднике ты пел лучше всех, люди только о тебе говорили...

— Кто, например? — насторожился он.

— Один незнакомый человек, на вид учитель, — не моргнув глазом, соврала Сара, в ужасе соображая, как далеко зашла. — Или музыкант... Да-да, скорее всего, музыкант!

— Что он сказал?

— Ну-у... Я не очень хорошо помню... Кажется, о том, что тебе с таким замечательным голосом пора записаться в оперную студию.

— В какую еще оперную?

— Частную. Ее открыли при драмтеатре.

Сара перевела дух и похвалила себя за привычку читать случайные объявления. Под репертуарной афишкой ей вчера очень кстати встретилась информация о наборе студийцев с начальной музыкальной подготовкой.

Откинувшись на спинку скамьи, Хаим задумчиво посвистел, и черные, блестящие, как у сестры, глаза его оживились. Сара с облегчением убедилась, что настроение брата улучшилось.